

18+

Борис Морозов

Золовка

Повесть

Борис Морозов
Золовка. Повесть

«Издательские решения»

Морозов Б.

Золотка. Повесть / Б. Морозов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988592-0

После развала Советского Союза старенькая учительница переезжает из Ближнего Зарубежья к брату в Россию. Здесь она видит, что оказалась в незнакомой стране, где все озабочены пагубной страстью к наживе, а деньги — главное родства. Брат утешает ее: «Потерпи, настанут светозарные времена, люди снова будут радостью друг для друга».

ISBN 978-5-44-988592-0

© Морозов Б.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Золовка Повесть

Борис Морозов

© Борис Морозов, 2020

ISBN 978-5-4498-8592-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Даст Бог, настанут светозарные времена, все люди будут
радостью друг для друга».*
(из разговора с П. В. Заботиньим)

1

Объявления о взлетах-посадках сыпались в зал ожидания одно за другим, а я нетерпеливо смотрел на часы и все больше переполнялся радостью: сестра уже в самолете, значит, скоро мы будем вместе. Вообще-то, забрать ее сюда надо было давно, как только развалился Советский Союз, но тогда она ухаживала за больной старшей сестрой и еще был жив ее парализованный муж. А нынешней весной я получил от нее толстую заказную бандероль с фотографиями нашей многочисленной семьи и припиской: *«Мне стукнуло семьдесят. После смерти мужа и сестры осталась, как перст одна, причем, за границей, в чужом Узбекистане. Вдруг представила: если со мной что случится, то соседи будут хватать и тащить из квартиры все ценное, а дорогие нам снимки родителей, братьев и сестер затопчут, как мусор, поэтому высылаю их тебе, самому младшему, ты сохранишь их для детей и внуков».*

Если со мной что случится... Понятные слова. Страшные. Ведь каждый человек смертен, а старый, к тому же, – внезапно смертен...

Мои размышления прервал резкий толчок в спину и виноватый густой бас:

– Простите, пожалуйста!

Поправив очки, я оглянулся. Грузный, бородатый пассажир с огромным серым чемоданом на колесиках, улыбнулся мне скованно, и, растерянно глядя вверх, на световые указатели, продолжил бег к стойкам регистрации. Его лицо и глаза я видел не более полминуты, однако уже готовая было вспыхнуть досада почему-то угасла. Опять я удивленно подумал, что некоторые люди с первого взгляда нравятся, располагают к себе, а другие – вызывают неприязнь. Видимо, с этим толстяком мы на одной психической волне. Проводив его дружеским взглядом, я вернулся к мыслям о письме сестры. Не давала покоя страшная фраза: **если со мной что случится...**

Помнится, рассматривая полученные фотографии, сильно захотелось перевезти сестру к себе, собственно, такое желание возникало всегда, если не мог до нее дозвониться и душа ныла в тревожной беспомощности.

Надо, надо ее забрать!

Однако любимая жена, практичная и решительная, восприняла мое намерение в штыки:

– Денег, которые сестра выручит за свою квартиру, не хватит даже на плохонькую комнатушку в коммуналке. Имей в виду, здесь жилье чрезмерно подорожало, а в Узбекистане, подешевело стократно.

Проработав всю жизнь секретарем-машинисткой при городском начальстве, она до сих пор любит броскую одежду, умело подкрашивает свое вянущее «осеннее» лицо, и козыряет вычурными канцелярскими оборотами, а уж вместо «очень», всегда говорит – «чрезмерно».

– Родственники для того и существуют, чтобы помогать друг другу, – пытался я доказать свою правоту, для чего излишне ласково заглядывал в ее дивные синие глаза. Однако гипноз не получался, она с издёвкой цедила сквозь зубы:

– Звучит красиво и даже тянет на афоризм. Сам придумал? Можно, я запишу? А теперь скажи, господин Заботин, как мы, два пенсионера, поможем ей? С каких доходов?

– Слава Богу, мы не бедствуем, я еще продолжаю работать, значит, пару месяцев могу отдавать сестре пенсию, думаю, за это время она оформит гражданство и начнет получать свою пенсию. А насчет квартиры... Не зря говорится: с миру по нитке, голому – рубашка. Сколько-то денег привезёт она, за сколько-то я смогу продать заводские акции, немного возьмем в долг у твоей подруги, торговки Галины Романовны, а остальное добавит Михаил, ведь он бизнесмен, а не какой-то рядовой инженер-механик...

– Ничего лучше не придумал? – резко вздыбилась жена и, чтобы показать в очередной раз какая она любящая да заботливая, а я – черствый эгоист, витающий в облаках, язвительно

добавила: – Обездоливать единственного сына, у которого в последнее время торговля на ладан дышит.

Ее умело подкрашенное вянущее «осеннее» лицо исказилось злобой. Сколько помню, у нас постоянно идет битва за сына, точнее – за его любовь; жена всячески потакает ему, оттого всегда в его глазах белая пушистая, а меня старается выставить в невыгодном свете. Да только я всегда начеку, и в тот раз миролюбиво сказал:

– Пора бы Михаилу знать, что при бешеной инфляции самое лучшее вложение денег – это недвижимость. И лучшим примером служит твоя подруга, предприимчивая торговка, которая собирается купить еще одну квартиру. Ведь сестра больная, старая, значит, ох, не хотелось бы это произносить, но купленное ей жилье рано или поздно достанется сыну. Или, давай, поселим её к нам, в маленькую спальню, бывшую комнатку Михаила... Пойми, после такого письма я просто обязан взять сюда сестру. Чего старушке одной куковать на чужбине!

Неожиданная твердая решимость в моем голосе взбесила ее:

– Михаил без тебя разберется, куда вложить деньги. А ты можешь говорить о своей сестре что угодно, только мою подругу не смей презрительно обзывать торговкой! Сколько можно повторять! Да, моя Галина Романовна сидит в палатке на рынке, да, она, в отличие от некоторых, не читает книги Чехова, не фотографирует наличники дремучих деревенских избышек, но уже заработала во много раз больше, чем ты за любимое краеведение и почти сорокалетнюю конструкторскую работу на заводе.

В тот раз мы говорили так зло, будто сына не было рядом. Он сообразил, что наша беседа катится к очередному скандалу, флегматично закурил сигарету и вразвалку вышел из комнаты.

Жизнь пожилых супругов похожа на июльский день. То – красивое бездонное небо, то – облака, и вдруг – ливневый дождь с громом и молниями.

Без Михаила наш диалог стал стремительно обрастать взаимными упреками и неумолимо превращался в темную грозовую тучу, но вдруг зазвонил телефон.

Прежде чем поднять трубку, жена обычно откашливается, затем слащаво произносит стандартную фразу секретарши: «слушаю вас». Так и сейчас. Однако через секунду ее голосок сполз на буднично-нормальный тон и стало ясно – это подруга, Галина Романовна. Видимо, разыскала еще одно объявление о продаже квартиры, и вот, спешит посоветоваться. Тогда подумалось: все-таки есть высшая справедливая сила!

Зная привычку подруг щебетать часами напролёт, я облегченно вздохнул. Мысленно поблагодарив счастливый случай, тихонько прикрыл железную дверь своей квартиры и спустился на второй этаж к соседям Смирновым. Не терпелось рассказать им о грустном письме сестры, а, главное, получить одобрение моему смелому родственному порыву. Владимир Иванович и Нина Петровна славные, душевные люди, он полнотельный, добродушный главный архитектор нашего городка, а она – под стать ему деbeatая, но веселая, подвижная – заведующая читальным залом центральной библиотеки. Мы давно живем в одном подъезде и дружим семьями. Поскольку Владимир Иванович еще не пришел с работы, я все рассказал Нине Петровне.

Она слушала мои восторженные планы, неугомонно двигаясь по кухне, наконец, подала на стол печенье и, наливая мне зеленый чай в фарфоровую чашку, вдруг спросила:

– Скажи, пожалуйста, а как жена ладит с твоей сестрой?

Вопрос меня оgoroшил. Я представил кроткую, излишне бережливую сестру, а рядом активную, решительно-категоричную своенравную жену, и растерянно пожал плечами:

– Да они вместе не жили. А мои родители, бывало, говорили: «Свой своему поневоле друг». Разве могут враждовать родные люди?

– Еще как! – смородиновые глаза соседки, увеличенные линзами очков, пугающе округлились. – Подобных случаев пруд пруди, ведь невестка с золовкой такие же антагонисты, как теща с зятем. В народе говорят: золовка – это диагноз. Собственно, зачем далеко ходить: вы,

краевед, много изучали жизнь Чехова, поэтому должны были обратить внимание на взаимоотношения его любимой сестры Марии Павловны с женой, Ольгой Леонардовной Книппер. По моему мнению – это классический образец родственного конфликта.

Я недоуменно глянул на нее, поскольку всегда выискивал документы о пребывании великого писателя в нашем районе, о его встречах и беседах с местными жителями, а тему его семейной жизни почему-то всегда оставлял в стороне.

Но тогда и словам соседки я не придавал значения, ведь все мысли были об одном: допустим, сестра приедет, как ее здесь обеспечить жильем? Как? Первое, что пришло на ум, – это объединить ее с Татьяной, дальней родственницей жены, тоже одинокой и мечтающей после развала СССР перебраться в Россию.

«Если продать ваши престижные квартиры вместе с мебелью, то здесь можно купить двухкомнатную. У каждой из вас будет по комнате, а вдвоем не так одиноко. И мы рядом», – написал я одинаковый текст сестре и Татьяне.

Татьяна радостно откликнулась телефонным звонком, поблагодарила за хорошую идею: – Замечательная мысль, ведь только продав наши две большие квартиры, можно в России купить одну. Я сразу дала объявление в городской газете, жду покупателей, так что подыскивай нам жилье, деньги привезем.

Однако сестра прислала письмо, где категорически отказалась от подобного воссоединения: *«Я знаю, что такое коммуналка! Приспосабливаться к кому-то в моем возрасте сложно, да и незачем. Мне много места не надо, но свой уголок – обязательно. Желательно с балкончиком, где можно сушить белье».*

Жена прочитала ее письмо и взорвалась:

– Ишь, какая! Принцесса датская! Хоромы ей подавай на блюдечке с голубой каемочкой!

Чтобы удержаться от гневного ответа, я старался не смотреть на жену, мысленно повторяя давно придуманную целительную формулу: «Для счастливой жизни человеку постоянно чего-то не хватает: где здоровья, где удачи, где мудрости, где знания, где терпения. Если многое из перечисленного дается свыше и зависит не от нас, то уж терпение и выдержка – всегда в наших руках».

Я давно заметил, что любая ситуация, какой бы ни была трудной, со временем счастливо устранивается сама собой. Так получилось и в тот раз: вдруг баснословно вздорожали акции нашего завода, у проходной начали роиться богатые дельцы. Правда, директор умолял работников быть патриотами, перетерпеть тяжелое, беззарплатное время и не продавать акции «пришлым столичным бизнесменам», но многие прельстились на большие деньги, оправдываясь поговоркой про журавля в небе и синицу в руках. Мне этот случай был особенно кстати, поскольку в соседнем подъезде нашей пятиэтажки срочно продавалась однокомнатная квартира на втором этаже с балконом. Именно то, что хотела сестра. Денег от продажи акций не хватило, пришлось влезть в долги, скрепя сердце я попросил у Галины Романовны, зато в результате – отдельная квартира, а, главное, по соседству. Радостно сообщил сестре, но она все еще колебалась, никак не могла решиться.

Осмотрительный, пухлощекий Владимир Иванович, вечно готовый всех оправдывать и утешать, сердобольно сказал мне, как всегда стеснительно уводя усталые глаза в сторону:

– Твою сестру понять можно, ведь старым людям трудно менять климат, привычную обстановку, жаль расставаться с соседями и знакомыми...

– Но и жить одной, вдали от родни – хорошего мало, – возразил я.

– Надо войти в ее положение, ведь семьдесят лет, это солидный возраст.

Однако я продолжал в письмах и по телефону уговаривать сестру, а для убедительности рассказывал про знакомых, которые живут рядом со своими пожилыми родственниками и ухаживают за ними. Она отвечала по телефону с грустью:

– Верно, верно, одной жить боязно, да я к этому привыкла. Пугает и печалит болезненная бессильная старость, хочется к кому-то приклониться...

Я настаивал на переезде:

– Один мудрец сказал, что одиночество – коварный враг здоровья, а из всех лекарств самое лучшее – это радость общения. Здесь много родственников и всегда весело. Наша внучка Катюша такая забавная, не даст тебе скучать.

– Так-то оно так, – тяжело вздыхала сестра в телефонную трубку. – Да боюсь срываться с места. Пенсию мне узбеки платят, крыша над головой есть, обстановка и какие-никакие вещи имеются. Ведь уезжать, значит потерять все, а в старости самое страшное – это остаться без своего угла.

Моя агитация шла с переменным успехом: в одном письме она отказывалась, в другом – соглашалась, наконец, дала объявление и сразу отыскалась какая-то молодая пара, якобы супруги, такие вежливые, внимательные, приходили почти каждый день, нахваливали мебель и квартиру. Сестра очень мнительная, интуитивно распознает фальшь, вот и здесь ее насторожила непомерная лесть назойливых супругов-покупателей, оттого некоторое время она откладывала сделку под всяческими предложениями, дескать, надо хорошенько узнать о правилах получения российского гражданства, потом долго выясняла, будут ли ее пенсионные документы действительны в России? Наконец, согласилась продавать при условии обязательной проверки долларов в банке. После этого молодая пара вдруг исчезла и никогда больше не одолевала своими назойливыми визитами.

– Я долго ругала себя за нерешительность и подозрительность, ибо покупателя на квартиру со всем моим *шара-бара* найти трудно. А возможно, это были жулики? Ведь я в глаза не видела доллары, к тому же прирожденная неудачница!

– Не кори себя, всему виной страх переезда, – утешал я.

Она соглашалась:

– Да, переезд – это масса хлопот! Недавно соседка уезжала в Россию, рассказала, сколько надо бумаг и всяких справок... Кошмар! Все их собрать – никакого здоровья не хватит даже у молодого. К тому же, видя повальный отъезд русскоязычного населения, местные железнодорожники искусственно создали дефицит контейнеров. Например, соседка заказала небольшой, трехтонный, все оплатила, так ей два месяца трепали нервы, дескать, «нет свободных». Бывалые люди советовали дать взятку, а она, трусливая, законопослушная, рассчитывала на справедливость, все ждала, и только после того, как заплатила *сверху* двадцать пять долларов, контейнер чудесным образом *нашелся*.

Когда сестра отважилась ехать, практичная жена буркнула:

– Зачем ей контейнер? Пусть возьмет в багаж самое ценное и необходимое, а за лишний вес доплатит в аэропорту. Представляю, какая у нее мебель, небось, в дороге развалится на молекулы.

Сказано с ехидцей, но мысль показалась мне разумной, и я отбил сестре телеграмму: «С контейнером не затевайся, береги здоровье. Мебель и вещи продай, все купим здесь».

Только мы успели собрать нужную сумму и рассчитаться за ее квартиру, как Михаил начал плакаться на торговые неудачи. Желая угодить сыну, жена потребовала, чтобы я расторгнул квартирную сделку и поддержал его бизнес. Действительно, пока документы не оформлены, еще можно было вернуть деньги, но сестра-то уже все продала и сидела, как говорится, *на чемоданах*. Давать ей *отбой* было бы жестоко и немилосердно, впрочем, я и не собирался этого делать. Моё упрямство рождало семейные скандалы, бесило жену, которая в присутствии Михаила театрально-трагически заламывала руки и кричала истерично:

– Бездушный эгоист, тебе родного сына не жалко! Помогать надо молодым, а не дряхлой старухе, которой без разницы, где умирать, здесь или в Фергане.

Ее актерство меня всегда раздражает, но в этих сценах я сохранял спокойствие, молчал, возможно, поэтому скандалы часто угасали, не успев разгореться. Худо-бедно я выдержал тот натиск, дома все утряслось, заграничная сестра уже в самолете и скоро мы будем вместе! Это великое счастье, когда родственник, особенно старенький и больной, живет рядом! В любой момент можно зайти, узнать о здоровье, а если что надо, то и помочь.

Со своей стороны и я надеялся извлечь пользу от этого переселения, ведь сестра опытный учитель русского языка и литературы, будет заниматься диктантами с любимой девятилетней внучкой, научит ее любить стихи. Так, глядишь, постепенно отвлечет малышку от торгово-денежных интересов и от коммерческих игрушек, которыми ее пичкают бабушка да отец-бизнесмен. А мне будет с кем смотреть семейные фотографии и кому рассказывать о родственниках.

* * *

...С нетерпеливым вниманием я вслушивался в объявления аэропортовской радиосправки, ведь каждое из них приближало радость встречи, и я, то возбужденно переступал с ноги на ногу, то вглядывался в световое табло с информацией о текущих рейсах, а поскольку издали буквы и цифры сливались в радужное пятно, я то и дело тормозил сына:

– Михаил, посмотри, что пишут про наш рейс? Вылетел?

Большой флегматичный сын недовольно морщился и резко сворачивал газету, громко шурша листами, а жена тотчас кидалась на его защиту, лишней раз показывая свою безмерную любовь и ничтожность моей просьбы:

– Перестань грузить ребенка глупыми проблемами. Никуда не денется твоя сестра, прилетит.

Михаил благодарно кивал матери и снова утыкался в газету.

Жена продолжала ревниво изучать наряды женщин, не забывая смотреться в стеклянную перегородку помещения, будто в зеркало. Она много внимания уделяет своей внешности, следит за модой, вот и нынче вырядилась в каштановый парик, бежевую курточку, оранжевую футболку, коричневые брюки и, конечно, туфли на высоких каблуках. Собственно, и с нами увязалась не столько встречать золовку, сколько порисоваться перед пассажирами столичного аэропорта, да посмотреть на других. Такой она была и в молодости: любила «тусоваться в высшем обществе», рассчитывая на выгодную партию, но «светские львы», они такие: поматросили и бросили, вот и пришлось ей выйти за меня, простого инженера-конструктора. Наверное, никак не может себе этого простить.

...Прозвучала мелодия радиосправки, и я замер:

– Совершил посадку самолет, прибывший из Астрахани рейсом номер...

– Твоя родная тетя Тамара летит два часа, наверное, уже пролетела Каспий, – торжественно произнес я. Игриво похлопал сына по плечу, и спросил: – Как ты думаешь?

Жена свирепо зыркнула в мою сторону, готовая броситься на защиту любимого чада, но тот опередил ее раздраженным баритоном:

– Опа-на, достали меня разговоры про тетю, которую я не видел и знать не знаю.

Дурацкое «опа-на» в устах выпускника столичного института меня всегда раздражает и обычно я ругал его, но сейчас промолчал: не хотелось портить радостное настроение.

– Конечно, с тетей Тамарой ты еще не... – добродушно заговорил я, но тут раздалась мелодия «Турецкого рондо» из его мобильного телефона, и я смолк.

Слушая повторы звонка, он какое-то время настороженно смотрел в экран, где высветился незнакомый номер. Наконец, робко включил и ответил с вопросительными нотками в голосе.

Мы с женой следили за его лицом, пытаясь угадать: кто звонит и о чем речь?

– Интересно, откуда у вас мой номер? Опа-на, действительно, с Жорой Кругловым я учился на мехфаке в одной группе. А вы кто ему? Да, знаю, он тоже завязал с наукой, прописался в столице и крутится в бизнесе. Только, я думаю, вы на меня вышли не для того, чтобы передать от него привет. Опа-на, вот это уже деловой разговор, только не пойму: зачем вам понадобился наш Гостиный двор? В нем ничего интересного, если не считать, что это символ нашего городка и значит, как памятник архитектуры какого-то века. Окей, можно попробовать, как говорится, – чем сможем, тем поможем. Опа-на, а гонорар какой? Годится, – самодовольно улыбнулся он и выключил мобильник.

– Что? Кто это? – спросили мы с женой почти одновременно, ибо каждый спешил первым дать полезный и нужный совет. От этого ревнивого состязания и избытка родительской любви постоянно забывается, что сын давно окончил институт, *крутится в бизнесе*, десять лет женат, есть дочка, славная Катюша – одним словом, человек самостоятельный и в советах не нуждается.

– Мне сделали коммерческое предложение, – ушел он от ответа и напрасно мы ждали подробностей. Он с детства такой, немногословный.

– А кто? – вкрадчиво спросила жена елейным голоском.

– Какой-то Шустерман, друг моего однокурсника. Из Москвы, – ответил сын так равнодушно, будто столичные бизнесмены каждый день предлагают сотрудничество.

– Шустерман... Судя по фамилии – энергичный, предприимчивый человек, возможно, он поддержит твой бизнес и не придется переиначивать магазин и палатку на продовольственные товары, – ободряюще сказала жена.

Решил не отстать и я:

– Это подтверждает мою теорию фатализма: чему быть, то обязательно произойдет и все проблемы когда-нибудь разрешатся сами собой. Надо только надеяться и ждать.

Сын молчал, улыбаясь своим мыслям, а я расценил это как победный гол в нескончаемом, незримом матче с женой и поспешил вернуться к разговору, прерванному звонком:

– Да, сын, родную тетю Тамару ты не видел, но сегодня познакомишься. Это моя любимая и единственная сестра, нас только двое осталось из всей многочисленной семьи, хочу предупредить, что она крайне мнительная и говорить с ней о деньгах надо осторожно, – тут я строго и многозначительно посмотрел на жену, но она сделала вид, что не поняла моего намёка, продолжая незаметно прихорашиваться перед витринным стеклом, зато Михаил насмешливо вернул, играя своим густым баритоном:

– Опа-на, мнительная, значит, много мнит о себе?

Заметив, что телефонный разговор поднял его настроение, я ответил в тон ему, так же шутя:

– Много мнит о себе и мнительная – это два разных понятия! Твоя тётя учитель словесности с огромным стажем, скоро прилетит и непременно объяснит тебе разницу. У неё была трудная жизнь, оттого в характере выработалась болезненная привычка все принимать на свой счет, к тому же она вечно думает о других, а не о себе. Мне, студенту она здорово помогала финансово, я ей многим обязан! Вы даже не представляете, какая для меня радость – ее приезд! «Уж так поет душа моя, ноги сами рвутся в пляс», – написал поэт, вот и мне трудно устоять на месте, пожалуй, снова пройду по аэровокзалу. Кто со мной? Никто, ну и ладушки, оставайтесь здесь на посту!

– Я схожу на стоянку, проверю свою *тачку*, – флегматично сказал сын, доставая из кармана сигареты.

– Верно, машина импортная, дорогая, в такой тесноте ее могут стукнуть или оцарапать, – одобрительно подхватила мать. – Я с тобой. Прогуляюсь на просторе, глотну свежего воздуха.

– Встречаемся здесь, через полчаса, – я кивнул на часы под потолком; их видно из любой точки зала.

Оставшись один, я следил, как сын, бережно поддерживая мать, твердо и решительно прокладывает дорогу сквозь человеческую пробку, спрессовавшуюся в стеклянных дверях выхода на привокзальную площадь. Напористый вымахал парень, – самодовольно думал я. – Торопится, значит, переживает за автомобиль, хотя называет его пренебрежительно *тачкой*, *мерсом* или *мерином*. Конечно, если заплатил много тысяч долларов, то поневоле заволнуешься, а, наверное, уже забыл, как долго я убеждал его купить дешевую отечественную машину, цитируя мудрого Остапа Бендера: «Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения». Сред-ство пере-дви-же-ния!

– Опа-на, сесть на отечественный вазик-тазик? – брезгливо морщился он и снисходительно пояснял: – Да со мной друзья перестанут здороваться...

– Правильно, воровать – так миллионы, любить – так королеву, а разъезжать – непременно на серебристом «мерседесе», – обязательно встревала жена и одним махом перечеркивала мои усилия внушить сыну житейскую мудрость, которую нам с детства прививали экономные родители: «по одежке протягивай ножки».

* * *

Прислушиваясь к объявлениям радиосправки, я бродил среди гомонящего многолюдья, поражаясь множеству киосков и небольших магазинчиков, которые ласточкиными гнездами облепили все стены аэровокзала. А сколько редких товаров! На любой возраст, вкус и цвет, вот он, настоящий капитализм, пришел и в Россию! Именно этот щедрый вал изобилия породил зависть и желание иметь ранее недоступные вещи, оттого у людей, как говорит сын, *снесло крышу*: многие захотели по-быстрому разбогатеть, благо, купи-продай – самый доступный способ. После окончания института Михаил тоже пустился в торговлю, а мое недовольство и критику отбивал философскими рассуждениями:

– Опа-на, работать на предприятии, значит, сдать себя, свое время, руки и знания в аренду за фиксированный небольшой оклад. Это вашему поколению такой способ заработка был единственным и наилучшим, но теперь другие времена, всюду повальные сокращения и увольнения, огромные задержки зарплат. Конечно, в свободное время можно где-нибудь *подрабатывать*, однако в сутках всего двадцать четыре часа, а ведь есть еще любимое занятие, дочурка, жена, да и просто хочется наслаждаться жизнью, которая дается человеку один раз. Работая же от звонка до звонка, я буду целый день в неволе. Знаешь, на эту тему есть хороший анекдот: «Одна сигарета отнимает час жизни, бутылка водки – три часа, а рабочий день – восемь».

Как и вся нынешняя молодежь, Михаил шарахается от государственной службы поскольку там строгий режим дня. Вдобавок, в любом деле большое значение имеет старт: если сразу повезло, то опьяненный и окрыленный человек мчится вперед, никого не слушая. Так и сын: на привозных товарах из Польши, как он хвалился, *срубил по легкому бабло*, сразу купил квартиру, машину, магазинчик, построил ларек на автобусной остановке, но прошло какое-то время, появились конкуренты, резко сократилась прибыль и он запаниковал:

– Может, мне переключиться на продовольственные товары? Ведь обувь и одежду покупают не часто, а съестное – каждый день. С другой стороны – продукты долго не хранятся, а закупленные промтовары при гиперинфляции сберегают капитал. Вот и думай, как быть?

Полагая, что наступил подходящий момент вернуть его на инженерную стезю, я запальчиво говорил:

– С дипломом инженера-механика, да перепродавать шмотки! Стыд-позор! Во времена моей молодости таких людей называли презрительным словом – спекулянт. Пойми, не всегда страна будет жить торговлей, когда-нибудь возродится промышленность, надо будет работать руками и головой, а ты к тому времени дисквалифицируешься, потеряешь все навыки и знания.

– Опа-на, отец, я вижу, ты совсем отстал от жизни.

– Хватит поучать сына, тоже мне Сократ нашелся! – театрально возмущалась жена, расстреливая меня холодом голубых глаз и часто хлопая подкрашенными длинными ресницами. – Нам не понять молодых. Вспомни, еще Тургенев писал о конфликте отцов и детей. Разве плохо, если человек хочет быть богатым, ездить на иномарке, иметь хороший дом? А может ли столько заработать молодой инженер-механик, если все заводы в нашем городке, да и во всей округе *лежат на боку*?

Большой, уже полнеющий, сын благодарно улыбался матери и произносил красивым баритоном чужие слова:

– Опа-на, сейчас время такое, – каждый стремится к лучшему и должен активно работать локтями!

Мать одобрительно кивала, а я обиженно смолкал. Отталкивать ближнего локтями, жить лучше за его счет? Это что-то новое, такого в наше время не было. Особенно меня тревожит, что эта новая мораль одобряется государством и усиленно внедряется всеми средствами информации. Из школьной программы убрали «Как закалялась сталь», «Повесть о настоящем человеке», хотят воспитать нового человека, потребителя, любящего деньги. Вот и Катюшу родители пичкают коммерческими играми, типа: «Кто богаче?», «Кто первый?» и самой новой в этом ряду – с элементами компьютера, – «Монополия».

Вдруг вспомнилось, как совсем маленькой внучке я рассказывал перед сном какую-нибудь сказку, а ей всегда хотелось услышать историю про неожиданно свалившееся богатство: «Ну, рассказывай: жили-были папа, мама и доченька, купили они *лотерельный* билет и выиграли много *долдоров*. Теперь сам говори, как будут делить богатство и какую купят машину, какой большой красивый построят на море коттедж?» А если во время перекопки дачной грядки лопата ударялась обо что-нибудь твердое и характерно звенела, внучка, по примеру бабушки, радостно восклицала: «Ура, дедушка нашел клад с драгоценностями! Теперь у нас будет много дорогих вещей, папе и маме можно не ходить на работу, мы будем все время ездить на море!» То есть, охотой к роскоши она заражена с пеленок. Значит, действительно, я отстал от жизни, постарел и чего-то не понимаю. Размышляя над этим, почему-то всегда вспоминаются строки Брюсова:

Каждый миг есть чудо и безумье,
Каждый трепет непонятен мне,
Все запутаны пути раздумья,
Как узнать, что в жизни, что во сне?

2

В зале ожидания полно пассажиров, каждый тащит за выдвижную ручку чемодан или сумку и колесиками. Лавируя в этой сутолоке, я наметанным глазом фотографа подмечал интересные кадры возможных снимков, равнодушно глазел на промышленные товары в витринах и прилавках, но пройти мимо журнальных и книжных развалов не мог. Столько там редкого, интересного, а какие красочные обложки – просто глаза разбегаются! Однако среди толчеи, шума-гама, да на бегу, разве можно что-то выбрать для души? Эх, жаль, подобных книжных развалов нет в нашем провинциальном районном городке!

Случайно взгляд остановился на скромном коричневом томике – «Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Воспоминания, статьи, переписка». Название вселило радостное предчувствие найти о Чехове сведения, которые я так долго и безуспешно искал. Удивительно, почему замечательная Нина Петровна ни разу не посоветовала эту книгу? Возможно, считала, что у меня и так достаточно литературы: воспоминания современников, и целых двенадцать томов писем Антона Павловича? Но, скорее всего – не хотела отвлекать меня, зная, что я готовлюсь к предстоящему областному фотоконкурсу оконных резных наличников «Моя малая Родина».

И вот, пожалуйста, в аэропорту судьба натолкнула меня на мемуары жены Чехова. Как будто в подтверждение придуманной мною поговорки: «Все, что должно случиться – случается, и все, что тебе нужно, – обязательно окажется на пути. Только будь внимательным».

Отдав сонливо-равнодушной продавщице деньги, я ту же, около прилавка, начал жадно листать. Меня толкали возбужденно-озабоченные пассажиры, иные даже возмущались, а я утёсом стоял среди этого суетливого водоворота, только время от времени поправлял сползающие очки. Одна строка особенно зацепила, и я перечитал ее дважды: «*Ведь я всегда буду стоять между тобой и ею. И чудится, что она никогда не привыкнет ко мне, как к твоей жене*».

«Ага, это Ольга Книппер жалуется на сестру Чехова, – сообразил я, вдруг вспомнив слова Нины Петровны о конфликтах невесток с золовками, но тут же утешил себя: – Правда, сейчас-то, как любит повторять сын, время другое, значит, никакой вражды между родственниками быть не может».

* * *

...Вслед за мелодичными переливами позывных справочной службы гулко прозвучало долгожданное:

– Совершил посадку самолет, прибывший из Ферганы рейсом номер...

Я поспешил в зал прилета, еле отыскал жену с сыном и стал вглядываться в прилетевших, выискивая среди них сестру. Люди шли по коридору единым потоком, однако турникеты рассекали их на несколько тонких ручейков. Наконец, в одном из них я увидел медленно хромающую сестру и сердце сжалось от радости и сострадания. Боже, какая она маленькая, худенькая, а лицо печальное, серое, изнуренное долгим перелетом! В первый момент даже не верилось, что это моя красавица-сестра, всегда бодрая и улыбающаяся учительница русского и литературы. Да, десять лет разлуки согнули ее и страшно состарили. Собственно, ничего удивительного, ведь на ее глазах развалилась могучая держава Советский Союз, и она в одночасье оказалась за границей, а тут еще похоронила мужа, потом – старшую сестру.

Мы обнялись, троекратно поцеловались и мои руки ощутили дрожь ее острых лопаток.

– Какой ты стал седой и худющий! Бедненький братик! – сквозь рыдания проговорила сестра, отодвигаясь, чтобы рассмотреть меня.

– Мои года, мое богатство, – неловко отшутился я, чтобы не сказать, что она осталась прежней, больше думает о других, а не о себе. В горле запершило, подступили слезы, и я украд-

кой промокнул глаза платочком. Мысли теснились, торопились, мешали друг другу, я молчал, растерянно глядя, как жена, потом сын сдержанно поздоровались с родственницей, задали дежурный вопрос как прошел полет и отчужденно уставились на табло выдачи багажа.

Наконец, в зале двинулась по кругу транспортная лента и пассажиры стали выхватывать с нее свои вещи, сверяясь с багажной биркой. Сестра издалека увидела свой старый дерматиновый чемодан, перебинтованный белой простыней, и засуетилась радостно.

– Хотела забрать все свое имущество, натолкала столько, что крышка не закрывалась, пришлось вот так связать, впрочем, простыня здесь пригодится, – виновато, шепотом, оправдывалась она передо мной.

С медленно ползущей ленты я снял пухлый горе-чемодан, Михаил – два тяжелых тканевых узла, а фруктошницу – решетчатый ящик с виноградом и помидорами, – взяли жена с сестрой. Таким табором стали пробираться к выходу, беспрестанно наталкиваясь на пассажиров, на сумки, чемоданы.

– Ну, какая необходимость тащить сюда виноград, а тем более – помидоры? – тяжело дыша, раздраженная обилием людей, ворчала жена. – Здесь всего этого полно, ваши же узбеки продают на каждом углу.

– Господь с тобой, как же без гостинца? Изюм без косточек или помидоры «бычьё сердце» тут, думаю, не купишь. Да и с пустыми руками ехать как-то не по-людски.

– Хорошенькое – «с пустыми», – буркнул сын. – Два неимоверной тяжести тюка, в которых, не иначе, как свинец.

– Ошибся, дорогой племянник – свинца там нет и в помине. Просто в одежду с постелью я завернула Евангелие, кое-что из посуды и самые необходимые кухонные предметы, среди которых мой любимый казанчик для плова, вот, получу первую пенсию, куплю на базаре свежего мяса и сделаю вам ош-пош, узбекский плов, пальчики оближете, – она притворилась, что не заметила недовольство Михаила. – Много чего не продалось, а бросить все нажитое с трудом – рука не поднялась. Благо, сообразила кое-что раздать соседям, а иначе авиакомпания вытрясла бы из меня все деньги, вырученные за квартиру. Вы отсоветовали брать контейнер, а самолет очень дорогое удовольствие: каждый килограмм груза – на вес золота.

Нахмутив сердито брови, длинноногий Михаил шел очень быстро, мы едва поспевали за ним, так что пока добрались до серебристого *мерина* я даже вспотел. С трудом втиснули тюки в багажник, а чемодан стоймя приткнули на заднее сиденье, куда уместились и мы с сестрой. Облегченно вздохнув, она широко перекрестилась правой рукой:

– Здравствуй, Россия! Через четверть века я опять дома! Слава Богу!

Атеистка жена заметила крестное движение, удивленно выгнула крашенные брови, и насмешливо спросила:

– Неужели *там* учителя стали верующими?

– В детстве мама нас крестила, стало быть, я всю жизнь была христианкой в школьные и студенческие годы, и потом, работая с учениками, правда, о душе задумалась недавно. Каюсь, грешница, в храм ходила редко, он в нашем городе один, далеко от дома, да и времени с моими больными особо не было, но Евангелие читаю постоянно. Если б все жили по его законам, всюду бы воцарилась любовь и прекратилась людская вражда!

– Ну, дорогая, это из области фантастики, – ядовито сказала жена, подчеркивая давнее скептическое отношение к религии.

Сестра хотела что-то возразить, однако глаза наткнулись на пышный парик невестки, на бежевую курточку с ярко-оранжевой футболкой, поэтому лишь беззвучно шевельнула морщинистыми губами.

Жена любит сидеть на переднем сиденье и сейчас, безотрывно глядя на бегущую под колеса ленту шоссе, блаженствовала. Михаил обгонял машины, будто нарочно дразнил водителей красотой и мощью *шестисотого мерина*. Поначалу в салоне тарабанила исступленная

синкопическая музыка, но я через зеркало заднего вида сделал знак: «потихше» и сын выключил вовсе. Догадался, что после долгой разлуки брату и сестре хочется поговорить.

В наступившей тишине некоторое время ехали молча, наслаждаясь скоростью и мягким покачиванием машины.

– Опа-на, теперь-то ты оценил моего *мерина*? – через плечо горделиво бросил мне сын. – Мотор совсем не слышно, а в скорости даст фору любому *вазику-тазику*.

Хотелось сказать, что игрушка-то хорошая, зато и стоит немало, но промолчал, да и сын больше не оборачивался. А тут сестра начала рассказывать своим надтреснутым голосом, как у всех старых учителей, о недавно пережитом:

– Раньше я не думала о Боге, поэтому Он и наказывал меня, как чеховского Епиходова. Может, помнишь, братик, в пьесе «Вишневый сад» есть конторщик с прозвищем «двадцать два несчастья». Эта кличка идеально подходит ко мне: сам посуди – продала я весной кровати и решила купить доллары, поскольку весь май они росли с невероятной быстротой, так что в конце месяца один доллар стоил уже тысяча четыреста *сумов*. Купила я сорок долларов, а валюта через неделю вдруг подешевела. Затем – еще, и еще. В результате я лишилась огромной суммы. Вообще за свою жизнь я теряла, кажется, больше чем кто-либо: золотые часы с цепочкой, золотой перстень с александритом, наручные часы, деньги... А перед отъездом наторговала девять тысяч *сумов*, пока ехала домой с базара у меня в автобусе вытащили их вместе с кошельком. Уж я плакала, плакала, даже сердце схватило, думала, конец мне.

Немного помолчав, она продолжала:

– Квартиру вместе с гостиним гарнитуром удалось продать всего за две с половиной тысячи, были еще давние сбережения, да наторговала по мелочам. Итого везу четыре тысячи двести долларов, это все, что я нажила за семьдесят лет. Негусто! Кстати, за сколько вы купили мне квартиру?

– Именно за столько и купили, – улыбнулся я.

Жена повернула к нам подкрашенное возмущенное лицо, но я приложил палец ко рту. Сестра заметила этот жест и сказала:

– Ой, врешь! Скажи правду.

– Ты человек мнительный, поэтому о деньгах никто с тобой говорить не будет. А ты не спрашивай, вселяйся и живи спокойно. Правда, там еще нужен ремонт, но это дело времени.

Сестра укоризненно посмотрела на меня и продолжила свой рассказ:

– Итак, за всю жизнь я нажила четыре тысячи двести долларов. Слава Богу, хоть обошлось без потерь, ведь у нас в последнее время идет настоящая охота на одиноких людей, продавших квартиру. Мой сосед, уважаемый, внешне добропорядочный, позвал в гости друга, отобрал три тысячи долларов и убил. Когда в гараже нашли труп, засыпанный известкой, соседи были в шоке! Следом – новое происшествие: убили знакомую учительницу, тоже одинокую и тоже за доллары. Жуть! Средь бела дня стали вскрывать квартиры и грабят. После развала Советского Союза люди вконец свихнулись от жадности, все им мало. И ведь сказано в Писании, что сребролюбие приносит много страданий, однако мало кто читает мудрые советы и следует им. Сейчас стыдно в этом признаться, но перед отъездом я никого к себе не звала и никому не открывала дверь. Боялась. Ведь береженого, как говорится, Бог бережет.

– Ладно, хватит о плохом, оно осталось в прошлом, забудь все, как жуткий сон, – утешил я сестру. – Полюбуйся на дивные краски наших лесов и полей! Все так и просится на холст. В Фергане деревья, наверное, давно пожелтели от жары, тут же – глянь: в глубоком синем небе белопенные облака образуют очертания сказочных фигур, а на земле изумрудная, сочная зелень, только некоторые деревья осень слегка тронула цветастой кистью и теперь, видишь, осины с кленами стоят в огненных подпалинах. Совсем, как у Бунина:

Лес, точно терем расписной,

Лиловый, золотой, багряный...

Что там дальше, учительница литературы?

– Смотрю, ты по-прежнему любитель стихов, это похвально. «Веселой, пестрою стеной Стоит над светлою поляной», – подсказала она и, глядя на пробегающие за окном деревья, нехотя согласилась: – Конечно, красота здесь неопишная!

Помолчала и снова заговорила о наболевшем:

– До сих пор не верится, что я решилась оттуда уехать. Возможно, зря, может, следовало там ждать смерти да упокоиться рядом с родителями, с мужем, братом и сестрами? Добрые люди советовали сначала съездить сюда на разведку, но я подумала: чего кататься, тратить деньги? Ехать, так уж насовсем. Чему быть, того не миновать, хотя и соседи, и знакомые отговаривали, ох, пожалеешь, да поздно будет.

Опустив голову, она так опечаленно задумалась, что захотелось отвлечь ее от грустных мыслей.

– Не пожалеешь, – заверил я и обратился к жене: – Успокой мою сестру!

Та безвольно покачивала склоненной головой и не оглянулась. Сделала вид, что спит, или впрямь дорога укачала-убаюкала?

* * *

Домой приехали затемно. Машина остановилась у подъезда и сразу в нескольких освещенных окнах шевельнулись шторы, значит, любопытные соседи завистливо разглядывали дорогую импортную машину и приезжую старушку, гадая, что же в тюках и чемодане?

На радостях мы собрали стол, пригласили славных Смирновых; шумная, веселая Нина Петровна прямо с порога запела свою любимую:

Качнется купол неба —
большой и звездноснежный,
Как здорово, что все мы здесь
сегодня собрались!

Галина Романовна, сухощавая рыночная торговка, заявила будто невзначай, но я-то думаю, подгадала специально, торопясь получить деньги, которые давала нам на квартиру сестры.

А сестра освежилась под душем и, вешая полотенце, сказала восхищенно:

– О, у вас горячая вода! Каждый день есть или включают по графику? Да, жируете вы, россияне, а мы давно забыли о таком.

– У вас и без того чрезмерная жара, вам горячая вода не нужна, – откликнулась жена, упирая на слово *чрезмерная*.

Сестра укоризненно глянула на нее и погрустнела, вспомнив солнечный, благодатный край, где прожила всю жизнь. На худом морщинистом лице вдруг проступили следы самолетного недомогания, тяготы сборов и тревога за будущее.

Гости рассматривали приезжую с интересом, будто настоящую иностранку, спрашивали про жизнь в «ближнем зарубежье»: как узбеки относятся к русским, дорогие ли продукты, какая пенсия у педагогов?

– Иностранцами нас сделали обманом: объявили, что пенсии будут платить только по узбекским, зеленым паспортам, вот и пришлось сдать красный советский паспорт. Уж я-то держала его до последнего.

– Интересно, а куда подевался ансамбль «Ялла»? После распада Советского Союза его совсем не слышно, – мягким баритоном спросил Владимир Иванович, чтобы хоть как-то подбодрить гостью. – М-да, парни красиво пели. Благодаря их песне, я на всю жизнь запомнил, что *уч кудук* – на русский переводится – *три колодца*.

– Про ансамбль ничего не могу сказать, там сейчас людям не до концертов, – ответила сестра громко, будто в классе. – Как говорится, не до жиру, быть бы живу. По телевизору все передачи на узбекском языке, только вечером на два часа включают Первый канал России. Местные вдруг заговорили на своем языке, всюду поменяли вывески и вообще, теперь, не зная узбекского, не устроишься на работу. Квартиры сильно подешевели, а продукты вздорожали, например, лепешка – сто рублей, проезд в автобусе – восемьдесят.

– Ничего себе цены! – удивилась Галина Романовна голосом шершавым, как у всех одиноких, много курящих пожилых торговек, вынужденных подолгу разговаривать на холоде. – Представляю, сколько стоят женские сапоги! Я вижу, есть смысл съездить к вам, поторговать.

– Кто их там купит? – буркнул я, не скрывая неприязнь к торговке. – В тех краях спрос только на сандалии-босоножки.

– Зима-то там все же бывает? – смутилась Галина Романовна и хрипло кашлянула.

– Всего два месяца, и то без снега, – упрекнул я ее за плохое знание географии.

Сестра поспешила загасить нашу перебранку:

– Я забыла сказать, что местные деньги называются *сумы*, у нас их по привычке зовут рублями, хотя один *сум*, примерно, в сорок раз дешевле российского рубля.

– Сколько же стоит лепешка на наши деньги? Сразу и необразишь. И как вы не запутаетесь в этих *сумах*. Такие деньги *не есть якиши*, – дурачась, произнесла Нина Петровна, поправляя массивные очки, и вдруг запела:

Всюду деньги, деньги, деньги,
Всюду деньги без конца,
А без денег жизнь плохая,
Не годится никуда.

Сестра из вежливости улыбнулась и продолжила:

– Да, всюду деньги. Теперь у нас квартиры, мебель и автомобили продаются только за доллары. Охотников на валюту много: базар просто кишит менялами, всем нужны доллары или российские рубли. Уехать оттуда, пока тебя не обдерут как липку – невозможно, ибо уже более десяти лет «братья наши меньшие» делают из этого доходный бизнес. Выписаться – взятка, любая справка – взятка, а уж если заказал контейнер, то без долларов не надейся получить. Билеты на самолет в Россию – только у спекулянтов, естественно, за двойную-тройную цену. Все это очень сказывается на здоровье. Не случайно Андрей Обаренов, наш учитель рисования, поехал к сыну в Курск и через неделю там скончался. Наша завуч Иванкина умерла на вокзале в Ташкенте. Вот, сказала: уехали Смирновы, Обареновы, Иванкины, собирается Анна Викторовна и сразу вспомнился дневник Тани Савичевой, девочки блокадного Ленинграда, которая каждый день писала одну фразу: «умер дядя», «умерла тетя», «умерла мама», а в конце – «умерли все». Порой и меня подмывало выйти на центральную площадь Ленина и громко крикнуть: «уехали все!» И задать вопросы русских классиков: «кто виноват?» и «что делать?» Сейчас там остались или слабенькие «охристи на клюшках» вроде меня, либо алкаши, которым все равно, где пьянствовать.

Катюша, круглощекая дочка Михаила, слушала новую бабушку Тамару и, подражая взрослым, сочувственно кивала головкой, встряхивая длинными светлыми волосами. Переполненный радостным возбуждением, я обнял внучку и весело проговорил:

– Теперь ты богаче всех подружек: у тебя три бабушки.

Ипекут три бабушки
Вкусные оладушки.
Будет много радости
У нашей внучки-лапушки.

– Смотри, не перепутай их, – язвительно ввернула жена.

– Не перепутаю. Баба Вера живет в Москве, тебя буду звать просто бабушка, а новую бабушку – Бабтома, – простодушно ответила резвая Катюша.

Минуту спустя, она, смакуя вкусный изюм без косточек, уговаривала Бабтому поиграть в *монополюку*, но та не соглашалась, мол, впервые слышит о такой игре.

– Бабтома, я быстро научу, – с жаром заверяла малышка и, не моргая, смотрела на новую бабушку широко распахнутыми серыми, как у моей жены, глазами. – Это легко, надо только бросать кубики, потом фишкой делать по карте несколько шагов, а выигрыш записывать в электронную память, она появляется на табло.

Я объяснил Катюше, что бабушка с дороги устала, все проголодались, время ужинать, и *монополюку* лучше отложить до завтра.

– А завтра какое число? – вдруг спросила Катюша.

– Да зачем тебе? – удивилась Бабтома. – Завтра воскресенье, в школу не идти, можешь спать вволю.

– Я хочу знать число, чтобы скорее пришел Новый год, а за ним семнадцатое сентября. Ох, скорее бы!

– А что будет в этот день? – повернулась ко мне сестра.

Сдерживая смех, я пожал плечами:

– Не знаю.

– Дедушка, ну какой ты *забывалкин*! Ведь семнадцатого сентября у меня юбилей, мне будет десять лет! Ох, скорее бы!

Сестра покатила со смеху:

– Ну и внучка у тебя! Потешная!

– Об этом я тебе и писал. С Катюшей не заскучаешь. А сейчас, давайте, ужинать.

Гости шумно рассаживались, и никто не заметил, как сестра за столом бегло перекрестилась.

Михаил, будто случайно, сел рядом с Владимиром Ивановичем и авторитетно заговорил о вчерашней статье в местной газете:

– Опять журналисты прессуют местную власть за вид Гостиного двора. Пишут, что эти развалины уже второе десятилетие «украшают» центр городка. Опа-на, а как смотрит на это главный архитектор городской администрации? Планируете восстанавливать руины или будете продавать?

– М-да, объект громадный и ремонт влетит нищему городу в копеечку, – ответил Владимир Иванович, поправляя свой любимый серый галстук. – На последнем заседании городская Дума постановила продать этот объект. Если учесть бюджет города, то думцы поступили правильно, тут их можно понять.

– Опа-на, и сколько же эти развалины будут стоять, если не секрет?

– Для нас это дело новое и незнакомое, м-да, поэтому, видимо, воспользуемся опытом столицы и других крупных городов, то есть, проведем аукцион: кто предложит денег больше, тот и победит. Все же я настоял, чтобы покупатель сохранил первоначальный облик этого памятника архитектуры и депутаты поддержали меня единогласно.

– Как вы считаете, какую сумму надо положить в конверт, чтобы оказаться победителем?

– Не знаю. Да неужто задумал купить? – Владимир Иванович насмешливо взглянул на высокого Михаила снизу вверх. Тот набычился, грубо ответил:

– Это коммерческая тайна. Так сколько?

– Все будет зависеть от количества покупателей, м-да, вернее – от их кошелька.

– Но кто-то из администрации будет знать максимальную сумму? Кто именно?

– Ох, молодежь-молодежь, какие вы стали корыстные, все разговоры только о презренном металле.

Михаил увидел, что испугал собеседника излишней заинтересованностью, стал незаметно отступать:

– Опа-на, теперь мы стали жить по-американски: время – деньги.

– М-да, а зачем вам много денег?

– Чтобы наслаждаться жизнью, – с готовностью откликнулся Михаил и стал излагать свой взгляд на современное общество: – Заводы и фабрики закрываются, люди вынуждены подстраиваться к новым условиям, не ждать пятое и двадцатое число, дни зарплаты и аванса.

– И что прикажешь делать народу? Всем торговать?

– Опа-на, почему бы и нет, если человека уволили, а другого источника дохода нет? Впрочем, в наше время и кроме торговли есть тысяча способов заработать. Например, недавно я получил по Интернету рекламку. Какой-то неизвестный предлагает раскрыть небывалый *секрет* денежных махинаций и перечень коммерческих банков, в которых следует открыть три-четыре «специальных» счета, которые принесут миллионы. Все просто, ведь американцы привыкли жить по принципу «тратить сейчас, платить потом». За эту секретную инструкцию автор просит тысячу *баксов*. Предложение соблазнительное, мы с друзьями думаем написать этому хакеру.

– Если человек может выкачать из чужого банка миллионы долларов, зачем ему жалкая одна тысяча, стоит ли так мелочиться? – усмехнулся Владимир Иванович.

Михаил сконфузился и замолк. Действительно, как он сам до этого не додумался?

В комнате стало шумно и душно, я направился к веранде – глотнуть свежего воздуха. Дверь была открытой, там слышались женские голоса и я остановился в нерешительности.

– Ну, подруга, поздравляю, теперь у тебя новая родственница, золовка, – хрипел знакомый прокуренный голос. – Обрати внимание, слово-то какое колючее, злое, не зря в народе говорят: золовка зловка, золовка колотовка. И внешностью твоя родственница похожа на это неприятное слово: маленькая, тощая, сморщенная. Прими мои соболезнования.

– Прорвемся, – самоуверенно ответила жена. – Ведь ей купили отдельную квартиру. Правда, там еще нужен ремонт, но это дело времени. Да, деньги за нее золовка нам еще не отдала, в аэропорту было некогда, а тут, видишь, застолье, тоже не до того, поэтому приезжай завтра, как договаривались, мы вернем тебе долг. Спасибо тебе за доброе дело.

– О'кей, до завтра время терпит. Кстати, про доброе дело на рынке услышала хорошую поговорку: «Не делай людям добра, не получишь зла». Но это я сказала не в обиду вам, просто понравилась фраза.

– Чрезвычайно мудрый афоризм, – ответила жена. – Все, Галя, бросай сигарету, вот блюдце вместо пепельницы, пойдем в зал, а то неудобно.

Чтобы остаться незамеченным, я на цыпочках быстро вернулся к гостям и услышал окончание рассказа сестры:

– ...там даже днем вскрывают квартиры и грабят. Люди совсем тронулись умом от жадности. Все им денег мало!

Упрек она произнесла слишком страстно, видимо, поэтому гости начали отодвигаться от нее, затеяв между собой веселые беседы. А мне стало обидно, что виновница торжества оказалась одна-одинешенька, будто вытолкнутая из праздника. Захотелось подбодрить ее, привлечь к ней внимание, поэтому я попросил гостей наполнить бокалы и сказал:

– Желаю тебе, сестра, быстрее прижиться на российской земле, и скорее угостить нас твоим замечательно узбекским пловом. А все родные, все наши знакомые пусть полюбят тебя так же, как люблю я!

– Чрезмерно гуманный тост, – ядовито шепнула жена. – Долго сочинял?

К счастью, никто ее не услышал. Все шумно переговаривались, дружно чокались.

3

Но следить за выполнением этого пожелания было некогда. Как иностранка, прибывшая из зарубежья, сестра обязана в течение трех суток зарегистрироваться по месту жительства, а поскольку она законопослушная и беспокойная, то назавтра поднялась ни свет ни заря – стала теревить меня: как найти паспортно-визовую службу?

Вид у нее утомленный, болезненный. Я потрогал губами ее лоб.

– Эй, да у тебя температура, тебе б полежать денечек-другой, оклематься.

– Действительно, как-то нехорошо себя чувствую, но это, видимо, с дороги. Пожалуйста, попроси у жены жаропонижающую таблетку, я выпью и пойду. Уж закончу все паспортные формальности, тогда долечусь. Мне болеть нельзя, я гражданка другого государства.

Я обратился к жене за консультацией и лекарством.

– Вот-вот, подруга это и предсказывала: старушка не успела приехать, а уже требует за собой уход. Только зря она рассчитывает на мою помощь, у меня и без нее проблем чрезвычайно много. Сам лечи.

– Тихо, – я прижал палец к губам. – А то услышит. Она очень мнительная.

– Пусть слышит, – нарочно прибавила голос раздраженная жена. – Лекарства в шкафу, в коробке. Сам бери какое надо.

А какое надо? Там их множество. Всю коробку принес сестре, она выбрала нужную таблетку, сбили температуру и поехали в паспортно-визовую службу, где с горем пополам оформили разрешение на трехмесячное проживание. Входя в кабинет к чиновникам, сестра как-то уменьшалась ростом, вжимала голову в плечи, при этом раболепно-угодливо улыбалась, неприятно морщина дряблую пергаментную кожу лица, изнуренного тяготами переезда. Зрелище жалкое, а я нервничал, злился:

– Что с тобой? Чиновники не съедят тебя.

– Кто их ведает? Сейчас я чувствую себя беззащитной и бесправной, как никогда. А вдруг отыщут какой-нибудь предлог и не разрешат проживание в России? Значит, тогда я должна вернуться? Но куда? Ведь там уже нет квартиры, нет родственников и вообще – ничего.

– Ты приехала на свою Родину, к родному брату. На твоей стороне закон.

– Чиновникам сложно что-либо доказать. На этот счет есть мудрая пословица: «Законы святы, да законники супостаты».

Убедить ее не удалось, она вела себя так же приниженно, когда начали собирать документы на российское гражданство.

Первым кругом ада было получение медицинских справок, иные из которых явно анекдотические, например, – анализ на венерические болезни и ВИЧ-инфекцию. Это семидесятилетней-то старушке! А в кабинете флюорографии, проверив легкие, выдали шаблонное заключение: «Заботина Тамара Васильевна не стоит на учете в туберкулезном кабинете». Цирк! Подумали бы, как, живя в Узбекистане, человек мог состоять здесь на учете?

Только сестра безропотно и серьезно выполняла все требования чиновников, да еще и меня успокаивала:

– Придется терпеть. Наша жизнь в полоску, быстрее бы прошла эта черная полоса, да наступила светлая.

В конце недели, после оплаты всех медосмотров и анализов, ей выдали справку, что она здорова, следовательно, проживание в России разрешается. Среди этой круговерти некогда было испугаться, что у нее отыщут какой-нибудь недуг и выдворят из России. А куда? Назад, где уже ни квартиры, ни вещей?

Справки с положительным заключением врачей приложили к привезенным сестрой документам и понесли в паспортно-визовую службу. Но там ее бумаги забраковали, поскольку текст русский, а заверен узбекскими печатями, то есть, нужна их расшифровка. Узбекского переводчика в нашем городке нет, пришлось ехать в областной центр, а это добрых сто километров в один конец.

Женщина азиатской наружности с золотыми сережками и толсто крашенными сурьмой бровями долго разглядывала в сильную лупу расплывчатые фиолетовые кружочки, выискивая в них буквы и слова, а когда закончила переводить, сказала утешительно:

– Я тоже *оттуда*, из Ташкента, поэтому с земляков возьму подешевле. Теперь езжайте в нотариальную контору, там заверят мою подпись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.